

Тань Чжифэн не удержался и хлопнул в ладоши за его спиной:

— Когда ты научился?

— Пока ты делал, — Сюй Гань повертел нож в руке и спросил: — Подойдёт?

— Конечно, подойдёт, — Тань Чжифэн внимательно рассмотрел. Ровные, квадратные, один к одному.

Он уже собирался засучить рукава и начать лепить, как Сюй Гань сказал:

— Отдыхай. Я сам.

Тань Чжифэн чувствовал, что энтузиазм Сюй Ганя к готовке растёт с каждым днём. Если так пойдёт и дальше, он скоро останется без работы. Он осторожно предложил:

— М-м, может, вместе? А то мне нечего делать.

На этот раз Сюй Гань не отказался. Он передал Тань Чжифэну стопку теста и стал внимательно наблюдать, как тот лепит. Среди вонтонов двадцати четырёх сезонов вонтоны зимнего солнцестояния по форме напоминали маленький слиток, выглядя кругленькими и особенно милыми. «В зимнее солнцестояние рождается одно ян», — объяснил Тань Чжифэн Сюй Ганю. Эти вонтоны изображали восходящее солнце.

Сюй Гань посмотрел, как Тань Чжифэн слепил несколько штук, и принялся за дело. Вдвоём они работали в два раза быстрее, стопка теста становилась всё тоньше и вскоре закончилась.

— Зачем он приходил? — наконец снова заговорил Сюй Гань.

— Старший брат Чжань? — Тань Чжифэн осторожно лепил последние два вонтона. Бамбук и папоротник — овощи, начинка из них легко рассыпается. Хотя он и добавил масло и соус, лепить всё равно нужно было очень аккуратно. Тань Чжифэн поднял глаза и посмотрел на лицо Сюй Ганя. Тот стоял боком, выражение его лица было спокойным, он выглядел не очень довольным, но и не слишком сердитым. Тань Чжифэн решил сгладить ситуацию и с притворной лёгкостью ответил: — Он... поесть пришёл.

Сюй Гань стряхнул муку с рук и равнодушно сказал:

— Дела управы нас не касаются.

Сказав это, он выловил несколько сваренных вонтонов, немного подул на них и поднёс ко рту Тань Чжифэна:

— Попробуй.

Тань Чжифэн съел только один, а Сюй Гань съел оставшиеся два, кивнул и начал разливать по мискам.

Тань Чжифэн немного поколебался и сказал:

— М-м... но...

— Никаких «но», — Сюй Гань поставил несколько мисок с вонтонами на деревянный поднос и вынес их. Вернувшись, он снова сказал Тань Чжифэну: — Это забота Чжань Чжао.

— Но... — Тань Чжифэн не сдавался. — Старший брат Чжань тоже ради жителей Кайфына старается...

— И никаких «но», — Сюй Гань продолжал выносить вонтоны, уходя, не забыв обернуться и сказать: — Зачем нам их содержать?

Когда Сюй Гань вернулся снова, Тань Чжифэн наконец придумал ещё несколько возражений:

— Послушай, старший брат Чжань ведь сказал, что это дело касается безопасности всех жителей Кайфына, этот шпион из Западного Ся...

— Если в Кайфыне начнётся хаос, — сказал Сюй Гань, — я заберу тебя и Лин-эр и уеду. Поднебесная велика, всегда найдётся место для нас троих.

— Но так ведь нельзя говорить... — Тань Чжифэн, проявив смекалку, сказал Сюй Ганю: — Когда гнездо разорено, разве уцелеют яйца? Если в Поднебесной начнётся великий хаос, куда мы спрячемся? К тому же, Лин-эр такой маленький, сможет ли он выдержать дорогу? И таких детей, как Лин-эр, много. Взрослые ещё могут себя защитить, а что делать им? А если Западное Ся нападёт на нас снова, сколько ещё будет...

— Хватит, не говори, — Сюй Гань воткнул нож в пустую разделочную доску, отчего Тань Чжифэн вздрогнул. К счастью, Сюй Гань тут же смягчил тон: — Я всегда думал...

Он сделал паузу и сказал Тань Чжифэну:

— Раньше я боялся, что ты будешь волноваться, и не говорил, но сейчас, пожалуй, лучше рассказать.

Он остановился, глядя Тань Чжифэну в глаза:

— Тот шпион из Западного Ся — не простой человек.

Следующая фраза Сюй Ганя заставила сердце Тань Чжифэна замереть:

— Он охотится за мной.

Тань Чжифэн застыл на месте, а Сюй Гань взял его за руку и усадил у печи.

— Во-первых, когда он гнал лошадь, чтобы убить меня, знал ли он, что я должен встретиться с Чжан Шаньчу на мосту Лунцинь? Или он догадался об этом, найдя ту записку? Во-вторых, он тайно передал записку в управу Кайфына, чтобы оклеветать меня, об этом и говорить нечего. Если предположить, что эти два пункта были связаны со смертью Чжан Шаньчу, это ещё можно понять. Но в-третьих, в тот вечер, когда я и Дуань Железная Пагода состязались в цзюэди на помосте, я подозреваю...

Он посмотрел на Тань Чжифэна и продолжил:

— Я подозреваю, что тот человек — это он.

— А... — не удержался и вскрикнул Тань Чжифэн. Он был искренне удивлён, и его мысли немного спутались. — Ты, как ты... я имею в виду, почему ты так думаешь?

Сюй Гань поднял руку и стёр муку со щеки Тань Чжифэна:

— Нипочему, интуиция.

Хотя Тань Чжифэн всегда считал, что у него не хватает ума, именно поэтому он всегда чётко помнил свою цель. Например, сейчас он вдруг увидел в словах Сюй Ганя проблеск надежды убедить его.

Он уже собирался заговорить, но Сюй Гань снова приобнял его и сказал:

— Знаешь, почему я настоял на том, чтобы переехать сюда?

Мысли Тань Чжифэна снова были прерваны. Он с недоумением покачал головой:

— Почему?

— Я боюсь, что он придёт навредить тебе, — сказав это, Сюй Гань встал. — Можешь ничего не говорить. Вечером ты присмотришь за Лин-эр, а я схожу в Переулок Бойни.

— Что? — Тань Чжифэн снова остолбенел. — Зачем тебе туда?

— Чтобы Чжань Чжао больше тебя не беспокоил, — сказал Сюй Гань. — Вы всё думаете, как найти Ли Вэймина, а вы подумали о той певице?

— Шуанлянь? — Тань Чжифэн не знал, радоваться ему или печалиться. Он хотел убедить Сюй Ганя, чтобы тот позволил ему помочь Чжань Чжао, но не хотел, чтобы Сюй Гань сам шёл в бой. В конце концов, его целью была защита Сюй Ганя, а теперь всё перевернулось с ног на голову.

— Умно, — Сюй Гань похлопал Тань Чжифэна по голове, хотя тот и не понял, в чём его ум. Он схватил Сюй Ганя за руку: — Нет-нет, я имею в виду, мы должны рассказать об этом господину Чжаню.

— Не нужно ему рассказывать, — снова сказал Сюй Гань. — Ты веришь своему брату или ему?

— Верю тебе, верю тебе... — Тань Чжифэн ещё крепче вцепился в рукав Сюй Ганя. — Но ты не можешь идти.

\* \* \*

Ночь становилась всё глубже. Сюй Гань закрыл ворота двора. Тань Чжифэн и Лин-эр уже крепко спали.

Он сделал всего два шага, как Тань Чжифэн, сделав «карпа, выпрыгивающего из воды», вскочил с кровати, побежал в соседнюю комнату и потянул за собой И-и:

— Присмотри за Лин-эр!

— Ты с ума сошёл? — И-и вытянул руку, преграждая ему путь. — Куда ты собрался посреди ночи?

— Сюй Гань подозревает, что Бо охотится за ним! — торопливо сказал Тань Чжифэн. — Он собирается найти ту певицу, я должен пойти с ним...

— Я пойду, — сказал И-и. — За Сюй Ганя не стоит беспокоиться, а вот ты...

— Нельзя, если он умрёт, я жить не буду, — сказал Тань Чжифэн. — Я должен пойти. Если мы

столкнёмся с Бо, ни ты, ни он не сможете с ним справиться.

И-и вздохнул:

— Полчаса. Если не вернёшься, я с Чжочжо и Чанчан пойду искать тебя в Переулок Бойни.

Тань Чжифэну было не до этого. Сюй Гань уже исчез. Воспользовавшись моментом, когда И-и опустил руку, Тань Чжифэн проскользнул мимо него и выбежал на улицу.

Сюй Гань ещё не дошёл до конца переулка, как вдруг услышал за спиной шаги. Он обернулся и увидел, как Тань Чжифэн подбежал и схватил его за руку:

— Не ходи той дорогой!

Сюй Гань вздрогнул, но по взгляду Тань Чжифэна понял, что на этот раз тот его не послушается.

— Хорошо, — Сюй Гань последовал за Тань Чжифэном обратно к концу переулка, к низкой стене. Он помог Тань Чжифэну взобраться на стену, а затем сам перепрыгнул через неё.

— Погоди, — тихо проинструктировал он Тань Чжифэна. — Жди меня в начале Переулка Бойни. Если я не выйду через время, пока горит палочка благовоний, иди к Чжань Чжао.

Тань Чжифэн упрямо покачал головой:

— Я пойду с тобой.

Приближалось зимнее солнцестояние, и на улицах было очень оживлённо. У жителей Бяньляна была поговорка: «сытое солнцестояние, тощий новый год». В период зимнего солнцестояния семьи в Кайфыне выходили из дома, чтобы поесть, выпить и повеселиться, не заботясь о том, что к новому году придётся затянуть пояса. Хотя в окрестностях Переулка Пшеничной Соломы обычно было тихо, сейчас звуки струнных и бамбуковых инструментов, пение и танцы из вереницы публичных домов сливались в единый гул, от которого у Тань Чжифэна звенело в ушах.

По пути двери маленьких домиков то открывались, то закрывались. Тань Чжифэн увидел много знакомых лиц, которые обычно посещали его таверну. Студенты пахли вином, на их лицах были улыбки, и никто не обращал внимания на Тань Чжифэна, идущего за Сюй Ганем, и никто не осмеливался бросить на Сюй Ганя второй взгляд.

Они прошли ещё несколько шагов вглубь. Сюй Гань, казалось, уже всё разузнал и остановился перед одним из домиков. По сравнению с оживлёнными заведениями в начале переулка, этот дом казался пустынным. Лишь полутёмный фонарь у входа напоминал прохожим, что заведение всё ещё работает.

Капля на шее Тань Чжифэна была спокойна, и это его успокоило. Сюй Гань поднял руку и постучал в дверь. Дверь открылась, и вышла женщина средних лет с усталым видом. Она поправила причёску и выдавила улыбку:

— Господин... вы хотите...

— Шуанлянь, — сказал Сюй Гань. — Я хочу её видеть.

На лице женщины тут же появилось неестественное выражение. Она подняла глаза на Сюй

Ганя и испуганно сказала:

— Шуанлянь... какая неудача, Шуанлянь заболела.

— Матушка, не уходите... — Тань Чжифэн поспешно схватил женщину, которая собиралась закрыть дверь. — Она... с ней всё в порядке? Мы друзья Ли Вэймина, пришли её навестить.

Услышав имя Ли Вэймина, женщина вдруг изменилась в лице и, стиснув зубы, выругалась:

— Этот проклятый смертник! Я же говорила Шуанлянь не связываться с ним, и в итоге... в итоге она довела себя до состояния ни человека, ни призрака...

— Матушка... — сказал Тань Чжифэн, доставая из-за пазухи связку монет и протягивая ей. — Мы просто хотим её увидеть.

Сюй Гань остановил руку Тань Чжифэна и сказал женщине:

— Ли Вэймин немало почтил тебя, «матушка», не так ли? Если болезнь Шуанлянь не пройдёт, и твои дела пойдут под откос. Прочь с дороги!

— Ты... ты можешь лечить? — с сомнением спросила женщина средних лет.

Сюй Гань не ответил, а лишь схватил её за плечо и оттолкнул назад:

— Веди.

Женщина, дрожа, посмотрела на Сюй Ганя и наконец уступила. Она отступила на два шага и повела их наверх к плотно закрытой двери, после чего постучала.

Из комнаты не доносилось ни звука, но Тань Чжифэн, прислушавшись, различил несколько страдальческих стонов. Он осторожно толкнул дверь. В комнате было темно, и на первый взгляд казалось, что там никого нет. Присмотревшись, Тань Чжифэн увидел в углу у стены свернувшуюся худую фигуру.

<http://bllate.org/book/14942/1323830>